

Михаил Щербаченко

ЖИЗНЬ КАК ИСКУССТВО ВСТРЕЧ

Михаил Щербаченко

Жизнь как искусство встреч

«Автор»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Щербаченко М. Л.

Жизнь как искусство встреч / М. Л. Щербаченко — «Автор»,
2015

Как и прошлая книга писателя и публициста Михаила Щербаченко – «Краткий курс научного карьеризма», веселый очерк нравов отечественного чиновничества, – новое сочинение состоит из коротких новелл, где автор в традиционном для него ироничном ключе отслеживает как фрагменты собственной биографии, так и сюжеты из жизни хорошо знакомых, полужнакомых и вообще не знакомых людей, тем или иным образом оказавших на него влияние. По мнению автора, наши успехи и провалы, все наше существование и есть следствие наших встреч. И к каждой из них нужно относиться как к подарку. «За любой случайной встречей стоит какая-то идея, чей-то промысел, и совсем не обязательно божий, – а то у бога нет дел поважнее, как ежеминутно сталкивать и разводить свою наземную паству. Бессмысленно искать конструктора неисчислимых человеческих соприкосновений, куда важнее понять, с какой целью произошел контакт». В этом, убежден Михаил Щербаченко, и состоит искусство построения жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Щербаченко М. Л., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Все мы шлифуемся трением	6
Глава 1	8
Офицерский должок	10
Рубль ты мой пропащий	11
Сделайте милость, заплатите штраф	12
Недодали	13
Добрый доктор, но спешит	14
Кормильцы	15
На черной трассе все спокойно	16
Трудности перевода	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Михаил Щербаченко

Жизнь как искусство встреч

© ОАО «Московские учебники», 2015

© Щербаченко М. Л., 2015

* * *

Все мы шлифуемся трением

Сразу скажу, что у автора было искушение выдать фразу, ставшую названием этой книжки, за свою. Никто бы меня не уличил, но как-то совестно врать, начиная уже с заглавия. Поэтому сообщаю, что оборот «жизнь как искусство встреч» принадлежит французскому дипломату, имя которого вам ничего не скажет, как не сказало и мне, я его вообще не запомнил. А вот саму формулу навсегда сохранил в памяти, сожалея, что кто-то другой так ловко сформулировал мысль, которая уже давно крутилась в моей голове. Я всегда был уверен, что за любой случайной встречей стоит какая-то идея, чей-то промысел, и совсем не обязательно божий, – а то у бога нет дел поважнее, как ежеминутно сталкивать и разводить свою наземную паству.

Искать конструктора неисчислимых человеческих соприкосновений бессмысленно, остается лишь задавать вопросы: «почему?», «для чего?», «с какой целью произошел контакт?», хотя точный ответ может быть дан не сразу, а лишь по прошествии времени; если же ответа не последует, значит, вы его просто не заметили или не расшифровали.

Фраза «жизнь как искусство встреч» означает, что искусством можно овладеть и с его помощью строить свою судьбу. Причем, речь идет не только об организации собственных успехов в привычном понимании слова. Искусство встреч не ограничено устройством контактов с нужными людьми, которые помогут подняться. Тут возможны варианты. Можно познакомиться с будущим врагом, который сделает тебя сильнее, – тоже своего рода везение. А чем плох неудавшийся роман, подаривший бесценный жизненный опыт?

В этой книжке перед вами пройдет много разных людей, встреченных автором. Не ищите среди них известных персон, их тут не будет. Все персонажи – под подлинными или вымышленными именами – люди, как их называют, обычные, рядовые. Терпеть не могу эти определения, хотя их сильно любит власть: «Надо подумать об обычных людях, о рядовых гражданах». Вот я как раз о них и думаю.

Для меня все они не ординарные уже потому, что оказали на меня влияние, чаще всего об этом не догадываясь. Я пробирался между ними, как краб между камнями, кого-то обходя, кого-то задевая боками, об кого-то больно ударялся, возле кого-то отдыхал. И тому, кто гордо заявляет, что сделал себя сам, я не советовал бы заблуждаться. Каждый из нас шлифуется трением об окружающих. Собственно говоря, наши успехи и провалы, все наше существование и есть следствие наших встреч. И к каждой из них нужно относиться как к подарку. Если же какая-то встреча показалась вам бессмысленной, отнесите ее к разряду упущенных возможностей. Вами, вами упущенных.

Глава 1

При лице и без лица

По радио Высоцкий пел «Песенку о переселении душ». Прозвучала последняя строчка – «Не лучше ли при жизни быть приличным человеком?», – и что-то зацепило. Слово «приличный» – давно его не слышал. Как-то оно исчезло из общественного лексикона. Жалко, хорошее ведь слово.

Приличный – это не то, что порядочный, достойный, почтенный, пристойный, рукопожатный. Близко, конечно, но все же другой оттенок смысла. Три автора знаменитых толковых словарей русского языка – В. Даль, Д. Ушаков и С. Ожегов – сходятся в том, что «приличный» означает соответствующий приличиям. Мне при этом ясно слышится словосочетание «при лице» – то есть сохраняющий лицо.

В этом деле нет строгих протоколов; что одному неэтично, другому в самый раз. Но вдумчивые люди всегда понимали, что именно мелочи, детали, тонкости, полутона взаимоотно-

шений служат первопричиной значительных и даже судьбообразующих явлений и событий. И потому придавали вопросу приличий первостепенное значение и внушали другим важность хороших манер.

По мне, изысканнее иных просветителей на сей счет высказался Антон Павлович Чехов в письме к брату Николаю. По его мнению, воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям.

«Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы».

«Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги».

«Они чистосердечны и боятся лжи, как огня... Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат».

«Они не уничижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними».

«Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями... не хвастаются тем, что их пустили туда, куда других не пустили».

«Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки».

И самое главное: «Чтобы воспитаться... нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час».

Припомните, сколько ваших знакомых отвечают чеховским критериям. Среди моих – в лучшем случае единицы. Причем меня самого, к прискорбию, среди них нет.

Офицерский должок

К тому времени, как Алексей Пантелеев окончательно осел на Кипре, обзаведясь достаточным количеством клиентов и сдав в аренду свою квартиру в Нижнем Новгороде, Стивен Баркли обдумывал жизненные планы, и они его совершенно не радовали. Через полтора года лейтенанта британской армии ожидала отставка по возрасту, и он давно решил, что, покинув расквартированную на Кипре английскую военную базу, купит в кредит домик у моря, не менять же немолодому одинокому экс-офицеру райский климат на промозглую сырость родного Ньюкасла. Но два года назад остров накрыл финансовый коллапс, банки прекратили выдачу кредитов, а скопленных Стивеном денег не хватало даже на маленькую квартирку.

У Алексея с деньгами тоже было не очень, они с женой жили в съемной квартире, и аккурат под ними проживал лейтенант Баркли. Русский, зарабатывающий на жизнь установкой-наладкой телевизионного и компьютерного оборудования, починил англичанину старый телек, денег по-соседски не взял, зато был зван на ужин в соседнюю таверну, откуда они вышли уже приятелями. Пантелеев, сам в прошлом старлей, поведал Стивену о службе в Забайкальском военном округе, а тот в ответ рассказал, что с вершины горного массива Троодос британцы контролируют важнейшие стратегические объекты Средиземноморья. Это была военная тайна, о которой, впрочем, знали даже кошки, которыми кишит остров Афродиты.

Так в дружбе и согласии прошли полтора года, Баркли ушел в отставку и, начав сборы в свой Альбион, занял у соседа двести евро, которые обещал вернуть на прощальной вечеринке. Чего не произошло, поскольку должник испарился в согласии с доброй английской традицией – не прощаясь.

Двести евро – не капитал, но было неприятно. Еще месяц Алексей наивно ждал из Англии денежного перевода, потом осерчал и отправился в логово британской разведки, где и накатал донесение о невозврате долга. На него посмотрели как на клеветника, но бумагу приняли и обещали разобраться.

А через три месяца к Пантелеевым домой явился при полном параде подполковник британской армии. Он сказал, что служебное расследование завершено, Стивена Баркли опросили в Ньюкасле, свои долговые обязательства он не признал, документально же подтвердить свою претензию заявитель не может. Однако, командование базы не желает, чтобы мистер Пантелеев составил негативное мнение о вооруженных силах Ее Величества, и возвращает ему двести евро наличными.

Это был сильный ход. Но за проявлением безупречной офицерской чести Алексей уловил другую тему: забирай бабки, склочник, и не вздумай об этом трепаться. Стерпеть такое было невозможно. Даже за двести евро.

Вытянувшись во фрунт и четко подбирая слова, Алексей заявил, что он, офицер российской армии, не имеет личных претензий к армии Ее Величества, обращение же продиктовано желанием не вернуть какие-то жалкие двести евро (последняя фраза далась с усилием), а предупредить о недостойном поведении мистера Баркли, наносящем моральный урон британским вооруженным силам. Что касается денег, то он отказывается их принять.

Супруги Пантелеевы клянутся, что слышали, как загудели мозги изумленного подполковника. Затем он щелкнул каблуками и лихо отдал честь. Алексей откозырял в ответ, хоть и был с непокрытой головой. В дверях гость остановился: «Эту свинью Баркли мы накажем. У британской разведки длинные руки».

Пантелеевы понимающе заулыбались: насчет длины рук у них не было сомнений.

Рубль ты мой пропащий

До чего же все-таки хитро устроена наша память. Вот застрянет занозой какой-нибудь пустяк, о котором не то что забыть пора, – о нем и помнить-то не следует. И вдруг через много лет этот мелкий эпизод наполняется новым смыслом, и тогда становится ясно, почему он не забывался.

Однажды я занял сослуживцу рубль до зарплаты. Всего один рубль, хотя тогда, в середине семидесятых, это были какие-никакие деньги. Прошло уже несколько зарплат, но рубль ко мне не возвращался. Я не напоминал, стеснялся, боялся, что это неприлично, при этом злился, поскольку невозвращенный долг считал небрежным отношением к заимодавцу, то есть ко мне.

Но выяснилось иное. Не вернув вовремя треклятый рубль, сослуживец решил, что отдавать его с большим опозданием неловко, теряешь лицо. А он, равно как и я, этого не хотел. Вот и тянул время, надеясь, что я забуду о долге, и тоже нервничал. В конце концов, не выдержал, сознался, и покаянно возвращенный рубль мы немедленно отоварили в винном отделе ближайшего гастронома.

Этой истории, повторяю, лет сорок, а вот сюжет годичной давности. Добрый знакомый, человек небедный, занял у меня гораздо более крупные деньги. И четко обозначил срок возврата – через месяц.

Прошло четыре месяца – ку-ку. Надеяться, что я забыл, было бы наивно, – не та сумма. Ну, сказал бы: извини, старик, кое-что не срослось, потерпишь еще недельку? Да с дорогой душой! Но нет, молчит, и я, понятное дело, начинаю подозревать, что он меня в грош не ставит. В итоге излил свою грусть нашему общему приятелю, а тот предложил: «Позвони ему, скажи, что я перекупаю долг, верну тебе всю сумму, а его поставлю на проценты». Сделал я это с восторгом и уже на другой день получил деньги от должника. Правда, мелкими и мятыми купюрами, без извинений за задержку и к тому же, вообразите себе, с обидой! Он посчитал, что я веду себя неприлично.

Что ни говорите, денежные сюжеты могут многое порассказать о приличиях. Но не они одни. Не попадали ли вы в такие примерно обстоятельства? Знакомый напоминает вам, что через месяц у него день рождения и, разумеется, он ждет вас в гости; вы заранее покупаете подарок и сочиняете тост; но наступает срок – и никто вас никуда не зовет. Либо приятель просит вас разузнать нужные ему сведения, вы выполняете просьбу, а он говорит, что вопрос уже отпал, «так что не парься».

Само собой, такие истории существовали до нас, при нас и будут после. Вот только кажется мне, что небрежное обращение с другими стало совсем легким делом. Безнаказанным и взаимным. Будто и обидчики, и обиженные сговорились «не париться». Как вы поступаете со мной, так и я поступаю с вами, ничего личного, все квиты.

Тогда понятно, почему в словаре актуальной лексики начала 21-го века отдельные толкования есть у слов «прикол», «приколоть», «приколоться», «прикалываться», «прикольно», «приколист», а предполагаемые далее по алфавиту слова «приличие» и «приличный» попросту отсутствуют.

А говорят, то, чему нет названия, со временем вообще перестает существовать.

Сделайте милость, заплатите штраф

Помните, группа «Секрет» пела: «Мой приятель – беспечный ездок»? У меня есть точно такой приятель. Он ведет серьезный бизнес и постоянно колесит по Европе, причем колесит за рулем взятых напрокат мощных автомобилей. В молодые годы был стритрейсером и гонял по ночному городу, сейчас остепенился, но все равно любит иногда «газ до отказа, а там поглядим».

Вот и минувшим летом он накрутил солидный километраж, и осенью в его офис в Лозанне пришло письмо из дорожной полиции.

Оно было составлено в таком примерно стиле. Многоуважаемый господин Парамонов, просим извинить за беспокойство, но мы рассчитываем, что вы окажете любезность и предоставите нам важную информацию. Из видеозаписи камеры наружного наблюдения следует, что такого-то числа в такое-то время в таком-то городе двигался автомобиль марки «Бентли Континенталь GT». Максимально допустимая скорость движения в населенных пунктах – 50 километров в час, однако указанная машина ехала со скоростью 170 километров в час, что является нарушением закона.

По номерам автомобиля было определено, что он принадлежит прокатной компании, которая, в свою очередь, сообщила нам, что предоставила его на правах аренды гражданину Российской Федерации Парамонову. Будем чрезвычайно признательны, если вы сообщите, кто находился за рулем данного автомобиля. С сердечным приветом, офицер дорожной полиции.

Мой приятель ценит деликатное обхождение, и он решил тут же ответить. Но как отмазаться от наказания – написать, что дал попользоваться машиной Клинтону из Вашингтона или Рабиновичу из Хайфы? Швейцарский советник Парамонова сказал, что раньше все так и делали, но теперь эти финты не проходят, – цепкая полиция затребует адреса Клинтона и Рабиновича, и дело может кончиться неприятностями. Лучше написать правду.

В полицию отправили признательное письмо, украсив его изысканной концовкой типа «примите уверения в совершеннейшем к вам почтении».

Были несказанно рады получить ваше сообщение, отозвался галантный гаишник, просим уведомить, готовы ли вы оплатить штраф в размере 220 евро. Естественно, сердечный привет.

С огромным удовольствием, радостно ответил Парамонов, буду счастлив пополнить бюджет дорожной полиции. Примите и проч.

Как это мило с вашей стороны, аж взвизгнуло письмо офицера. Не считите за труд переслать на наш счет – далее шли реквизиты, а вот сразу после них начиналась жесть. Одновременно информируем вас, господин Парамонов, что в случае неуплаты штрафа... Из текста на полстраницы следовало, что на основании таких-то законов, уложений, нормативов, актов и поправок неплательщика ожидают все виды истязаний: судебное преследование, арест счетов и имущества, запрет на въезд в страны Европейского союза и розыск через Интерпол. Парамонов примерил санкции на себя – внутри стало холодно.

Штрафные деньги ушли уже через пятнадцать минут, а на другой день с утра нервный мой приятель усадил советника выяснять, достигли ли они адресата. «Дошли, – сказал тот, дозвонившись в полицию. – А еще вам просили сказать, что, если будете подвергать риску мирных швейцарских граждан, они вам голову оторвут».

– И сердечный привет, наверное, не передали, – догадался беспечный ездок.

Недодали

Не знаю, зафиксировали ли обществоведы новый социальный тип личности, но мне он представляется вполне отчетливо: молодой человек, от двадцати до тридцати лет, неплохо воспитан и образован, особая примета – в глазах ясно читается слово: «недодали».

Речь идет не о сироте или инвалиде, которых действительно обделила судьба. Наши герои выросли в достатке, окруженные родительской заботой. Их, если приглядеться, вокруг немало, и у моих друзей есть такие дети. Приведу вам краткую исповедь старинного товарища, пытающегося проникнуть в мозг своего двадцатипятилетнего сына.

– Если правда то, что ребенок поддается воспитанию лишь до пяти лет, то весь воспитательный процесс я профукал. Пока мой сын подрастал, я вкалывал на износ; уходил, когда он еще спал, возвращался, когда уже спал. Зато к его поступлению в школу у нас уже была своя квартира, вскоре и машина с дачей появились, так что по тем временам жили недурно. Да и по нынешним неплохо живем. Но неплохо – это, оказывается, нехорошо.

Чего же парню не хватает? Закончил спецшколу с двумя языками; правда, определить его в институт международных отношений мне было не по силам, выбрали вуз менее престижный, но достойный. К двадцатилетию купили небольшую двухкомнатную квартирку, метро «Речной вокзал». Подарили машину, новый «Пежо». После института устроили на работу, зарплата восемьдесят тысяч, для начала неплохо. Да, я не олигарх, нет у меня своего бизнеса, чтобы наследника на него посадить, но ведь начинал вообще с нуля. Как-то пытался сыну это объяснить, он говорит: «Папа, я все понимаю», а по глазам вижу – наплевать ему. Недодали. Потому что у ровесников квартиры на Бульварном кольце, и «мерсы», и в клубе «Сохо» висают каждый день.

Отматываю назад свою жизнь и думаю: где ошибка? Хотел дать сыну все необходимое, чтобы не терял, подобно мне и многим другим, полжизни на обустройство, а развивался как личность, как профессионал, создавал себе успешную судьбу. Наверное, надо было действовать иначе: пусть бы в институт сам поступал, и жил бы в общежитии, и ездил бы на метро. И от армии не надо было его отмазывать. Хотя, если бы с ним там что-нибудь случилось, – век бы себя казнил.

А сейчас что-то менять поздно, уже ведь взрослый мужик. Ну, хорошо, мало тебе, – премножай, кто против? Так ведь нет, на все есть отговорки: в кризис карьеру не сделаешь, москвичи никому не нужны, берут понаехавших, которые за копейки готовы впахивать, для бизнеса стартового капитала нет. В общем, недодали.

...Такая вот повесть моего товарища. Не собираюсь выводить из нее мораль, соизмерять родительскую обиду на неблагодарность заевшихся отпрысков с обидой детей, у которых перед носом маячат сверстники, явившиеся на свет с золотой ложкой во рту. Пожалуй, лучшее, что могут сделать родители, – понять, что их дети просто иные, с ними никогда не будет понимания, но надо как-то с этим жить.

Добрый доктор, но спешит

Людей торопящихся я понимаю и не осуждаю, сам такой. Людям неспешным завидую. Теми же, кто умеет сочетать эти качества, восхищаюсь. Так восхищался я в детстве своим участковым врачом, даже фамилию помню – Сергеев. Много раз наблюдал, как он несется на вызов, размахивая старым чемоданчиком, но перед входной дверью в момент становится самым спокойствием. Он все делал медленно: раздевался в прихожей, мыл руки, осматривал и расспрашивал больного, писал рецепты. Он вносил покой в дом и в душу пациента. Но когда, попрощавшись, слышал за собой щелчок дверного замка, с места в карьер устремлялся по следующему адресу.

Последний раз я вспомнил Сергеева недавно. Жизнь привела меня в солидный медицинский центр. Доктор беседовал со мной вроде бы обстоятельно, но все же чувствовалось, что он куда-то спешит. Раздался телефонный звонок, и он тут же ушел, попросив подождать. На его столе осталась открытая история болезни, и мой блуждающий взгляд непроизвольно просканировал хорошо знакомую фамилию. Это была медицинская карта очень известного в Москве человека, и в ней было отчетливо написано (грешен, прочитал), что у него обнаружен рак и что он дал согласие на операцию. Тут вернулся доктор, сел за стол, так и не закрыв историю болезни. Он даже не понял, что выдал врачебную тайну. Впрочем, он ведь торопился.

А вскоре после этого старинный товарищ, который лежал в авторитетной клинике на дежурном обследовании, рассказал милую историю. К нему пришел профессор-уролог и бегло изложил, что показатель анализа крови на ПСА повышен, поэтому рекомендована биопсия. Мой приятель, будучи пациентом образованным, сразу ухватил суть: обнаружена вероятность рака предстательной железы и для более точного диагноза врач предлагает «отщипнуть» и исследовать кусочки ткани простаты. А это весьма неприятная, болезненная процедура, которая еще не известно что покажет. Успокоив поникшего пациента сообщением, что рак предстательной железы сегодня очень распространен, профессор откланялся. У него было еще много дел.

На следующее утро мой товарищ, включив все связи, сидел в кабинете светила отечественной урологии. Светило спросил, не приходилось ли визитеру за день-два до сдачи крови принимать спиртное или вступать в половой контакт. Выяснилось, что да: накануне заезда в клинику приятель с женой погуляли на чьем-то юбилее, а придя домой, нежно простились перед недельным воздержанием. Вот и ответ, пояснил доктор, данное обстоятельство радикально поднимает показатель ПСА. А вы, батенька, этого не знали? Ну, в другой раз будете знать.

Мой товарищ был счастлив, но одна мысль не отступала: почему этот чертов профессор, отправляющий пациента на биопсию, первым делом не задал ему простейшие, истинно мужские вопросы: пил ли и имел ли? А, ну да, он же куда-то наверняка спешил.

Повторюсь: понимаю и не осуждаю торопыг, время такое. С одной поправкой: мне очень не нравится, когда спешат врачи. Мне даже кажется, что тем самым они и меня куда-то торопят.

И я даже знаю, куда именно.

Кормильцы

«Они стояли молча в ряд, их было восемь», – как в песне. Только стояли не с угрожающим, а наоборот, со смиренно-виноватым видом.

Они – это официанты.

История такова: приехал небедный друг, живущий за границей. «Давай поужинаем, – логично предложил он. – Только выбери самый улетный ресторан. Жена достала: хочет надеть платье в пол и новые караты».

Мне денег друга не жалко. Предложил ему крутое место, где безумно дорогой дизайн хозяева отбивали безумными же ценами.

Сели вчетвером, – в пару мне привели подругу жены. Ресторан был почти пустым, и нас обступили восемь официантов. По паре на клиента.

Нам хватило.

Шампанское подали теплым, красное вино – как из морозилки, чуть-чуть теплее был суп, лобстер оказался сухим и жестким, мраморная говядина – подгоревшей. Салаты принесли вообще не те, мило извинившись: «Эти тоже очень вкусные». Тарелки без спросу убирали, когда они пустели лишь наполовину, не забывая спросить: «Вам понравилось?»

К тому моменту, как мы насчитали в их действиях одиннадцать грубейших ошибок, самый расторопный довел дело до дюжины, любезно уронив сорбет на платье жены друга.

И благородный муж не стерпел. Бригада коммунистического труда была выстроена в ряд, и он произнес вдохновенную речь.

О пожилых парижских гарсонах, которые безошибочно обслуживают по тридцать столиков, причем все заказы запоминают, записывать считают позорным.

О мексиканцах и китайцах в закусочных Нью-Йорка, которые быстрее молнии собирают и раздают фантастические бутерброды.

О графоподобных официантах венских кафе, на бегу поддерживающих веселую беседу с десятком гостей...

Друг повидал мир, он говорил долго и ярко. А в конце ехидно спросил: «Вероятно, господа желают получить чаевые?»

Господа желали. У них была маленькая зарплата.

На черной трассе все спокойно

Они не виделись несколько лет и условились непременно встретить вместе Новый год, как в прежние времена. Место было выбрано со вкусом – французские Альпы. Наталья с Игорем прибыли из своего буржуазного Берна на неделю раньше, чем Ольга с Андреем, и уже успели обкатать так называемые красные трассы для грамотных лыжников. Семейные пары крепко дружили в Москве и, когда одна из них перебралась в Швейцарию (Игорь неплохо подзаработал на углеводородах), постоянно ждали и искали встречи, пока, наконец, вчетвером не повалились весело в сугроб у входа в старинный альпийский отель.

После рассылки поздравительных новогодних эсмэсок телефоны были отключены, и друзья погрузились в сказочный мир болтовни, из которого не могли выйти ни в новогоднюю ночь, ни в следующий день-отходняк, а когда, наконец, решили встать на лыжи, из Москвы позвонили Наталье и сказали, что ее мама умерла.

Собственно, печальный исход ожидали давно, хотя случился он не вовремя, каникулы накрылись, ну так ведь редкая смерть бывает к месту. Наталья с Игорем ушли горевать в номер, а Андрей с Ольгой решили лететь вместе с ними в Москву.

Утром они спустились к завтраку и застали супругов в лыжных костюмах. «Идем покататься, – объяснил Игорь, – пусть Наташка развеется». Когда встретились вечером, Наталья была свежа и румяна. На вопрос, когда летим, сказала, что сейчас все решается.

На следующее утро Андрей с Ольгой друзей за завтраком не увидели, их телефоны были отключены. Улетели по-тихому, не ломая отпуск друзьям? Однако после обеда Наталья и Игорь вернулись с катанья. «Все в порядке, – сказала Наталья. – Игорь звонил в Москву, договорился, что маму пока поддержат в специальной холодильной камере». Андрей с Ольгой впали в ступор.

За следующим завтраком они спросили напрямик: так вы летите на похороны или нет? Ответ Натальи был простым и логичным: конечно, летим, как же иначе, только чуть позже, потому что долго готовились к этим каникулам, Игорь решил непременно освоить сложную черную трассу, а маме ведь уже все равно, да она бы и не осудила, к тому же горнолыжному инструктору заплачено за неделю вперед.

Глядя вслед удалявшимся на подъемнике друзьям (или как их там?), Андрей сказал: «Лавину не обещали?» «Остынь, погуляем», – сказала Ольга. Они набрали на крохотное местное кладбище. Посмотрели даты жизни на надгробиях – впечатлило, люди жили долго.

«Интересно, они тоже в холодильнике ждали, пока дети накатаются?» – сказала Ольга, а Андрей не к месту ввернул цитату из «Семнадцати мгновений весны»: «Швейцария. Берн. Воздух свободы сыграл злую шутку с профессором Плейшнером».

Они вернулись, собрали сумки и переехали в другой отель, благо кругом их полно. Встречи с бывшими друзьями не опасались, – те летают по черным трассам, а москвичи ползают по синим, рядом со сноровистыми и нарядными детишками.

Трудности перевода

Президент пожал нам руки и пригласил за старинный круглый стол. Его приветственное слово было пространным, и мы, к стыду и сожалению не знающие немецкого языка, догадались, что он говорит об отношениях двух наших стран. Когда президент закончил, мы повернулись к переводчице Елене. Она обвела нас долгим взглядом и сказала: «В общем, он рад вас видеть». Внутри похолодело. Так началось это, без сомненья, уникальное в своем роде интервью, которому предшествовали следующие обстоятельства.

Несколько российских журналистов, в их числе и я, отправились за свои кровные в тур по Австрии. Поездка предполагала знакомство с двумя землями (по-нашему, областями), экскурсию по Вене и в завершение то, что составляло главную приманку программы, – интервью с федеральным президентом Австрийской республики Хайнцем Фишером, одним из самых долголетних европейских политиков, мастером компромисса, за что его даже окрестили «дядей Соломоном». Личная скромность господина Фишера редкостна для персоны такого ранга, – нам рассказали, что они с супругой отказались от покоев за казенный счет и назначили свою городскую квартиру апартаментами президента. Короче, встреча обещала быть увлекательной.

Обеспечить наш тур взялась местная фирма, которая при ближайшем рассмотрении оказалась супружеской парой. Пауль был небедным австрийцем, путешествующим по свету. Ознакомление с Россией подарило ему жену Елену. Правда, мы заметили, что Пауль не говорит по-русски, а супруга едва знает немецкий, но эта деталь их семейного уклада нас не волновала, – ровно до того момента, как Елена оказалась в роли переводчика в президентской резиденции Хофбург.

Мы попросили рассказать о миграционных процессах в Австрии, Елена с грехом пополам сформулировала вопрос, и президент обстоятельно осветил тему. «Он сказал, что сюда приезжает много людей из других стран», – перевела Елена, и у нас возникло желание приложить ее габсбургским стулом. Удивленный краткостью перевода, президент вопросительно взглянул на своего помощника, а мы вообразили себе интервью Путина китайским журналистам с аналогичным переводчиком и вытекающие последствия для протокольной службы.

Наша беседа длилась около часа, мы обсудили с Хайнцем Фишером экономические связи Австрии с Россией (перевод: «Время трудное, но перспективы неплохие»), поговорили о полномочиях первого лица государства («У нас президент не так уж много решает»), наконец, спросили господина Фишера о его увлечении альпинизмом, а когда последовал перевод («В Австрии есть горы Альпы»), наш фотокорреспондент с грохотом уронил свой «Canon» на пол, и тут случилось удивительное: глава Австрийской республики мгновенно нагнулся, поднял фотоаппарат и красивым жестом передал его владельцу. Вообще президент нам очень понравился, и было втройне обидно, что он наверняка посчитал нас полными идиотами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.